

Акад. А. И. Тюменев

ПРОИЗВОДИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ЦАРСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВРЕМЕНИ ТРЕТЬЕЙ ДИНАСТИИ УРА¹

Исследование царского хозяйства времени третьей династии Ура уже давно привлекает внимание советских историков. Еще 20 лет назад акад. В. В. Струве на основании документов архива Уммы удалось показать рабский способ эксплуатации рабочей силы в этом хозяйстве.

До недавнего времени, однако, в нашем распоряжении были лишь материалы местных хозяйственных архивов — Уммы, Лагаша, священного города Нипшур и его пригорода *Púzur-is Da-gan*^{ki} (на месте современного Дрехема). Хотя уже эти материалы давали возможность составить вполне определенное представление о системе царского хозяйства того времени, все же отсутствие данных относительно организации хозяйства столичного города Ура делало это представление недостаточно полным. Опубликованные в последнее время Легреном документы хозяйственного архива Ура восполняют этот пробел². Издание Легрена, заключающее в себе свыше 1 800 документов, показывает, что хозяйство Ура имело свои особенности, отличавшие его от хозяйственной организации местных центров, и что именно здесь все присущие государственному хозяйству Шумера тенденции получили наиболее полное и завершенное выражение. На основе этих новых дополнительных данных создается возможность дать более развернутую и многостороннюю характеристику царского хозяйства времени третьей династии Ура, в частности более полно осветить вопрос об эксплуатации производителей материальных благ в царском и храмовых хозяйствах. Сопоставление особенностей царского хозяйства времени третьей династии Ура с тем, что известно нам относительно организации государственного хозяйства в предшествовавшие периоды, позволяет, в свою очередь, осветить царское хозяйство Ура не только в это время, но и в процессе его развития и становления.

Царское хозяйство времени третьей династии Ура представляло собою заключительную стадию более чем тысячелетнего периода развития. Вот почему для того, чтобы лучше уяснить его место и значение в истории экономической жизни древнего Двуречья, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на предшествующей истории царского хозяйства.

¹ В основу этой статьи положены выводы соответствующих разделов большой монографии о государственном хозяйстве древнего Шумера, которая подготавливается к печати.

² «Ur excavations texts», III, Business documents of the third dynasty of Ur, by L. L e g r a i n, Plates, 1937, Indexes, vocabulary, catalogue, lists, 1947.

Время возникновения общинного храмового хозяйства, из которого впоследствии развилось государственное хозяйство, освещается документами архаического Урука. Это было время становления классового общества, когда первобытно-общинные отношения были далеко еще не изжиты. Производительные силы были развиты крайне слабо: только что совершился переход от халколита к более широкой обработке меди, бронза не была еще известна; в земледелии плужная обработка земли (с помощью деревянных плугов) едва только начинала входить в употребление. Охота, повидимому, занимала в хозяйстве не меньшее место, нежели разведение домашних животных; об этом свидетельствуют часто встречающиеся пиктограммы с изображениями диких животных и птиц. Ремесленное производство находилось в зачаточном состоянии: кузнечное дело, мало еще развитое в ранних слоях (Урук IV), более определенно выступает лишь в документах более поздних слоев (III и II) Урука. Общественные отношения этого времени носили характер переходных от первобытно-общинных к отношениям классового строя, органы родоплеменного строя фигурируют еще в конце этого периода.

К этому времени на территориях, выделенных в качестве специальных доменов божеств общин и предназначенных для обеспечения общинных культов, уже сложились обособленные от остальных общинных земель храмовые хозяйства (конец четвертого тысячелетия: архивы Урука¹, Джемдет Наср², архаического Ура³, Шуруппака⁴). Храмовое хозяйство уже издавна (Урук IV) располагало известным персоналом (в том числе рабынями и, возможно, небольшим числом рабов), однако этот персонал был занят, повидимому, не столько производительной деятельностью, сколько выполнением функций, связанных с обслуживанием культа, и содержался прежде всего за счет труда общинников.

К концу этого периода (XXVIII—XXVII вв. до н. э.⁵, когда общество стояло на пороге классового строя, — документы архива Шуруппака) храмовое хозяйство располагало уже более значительным персоналом, пополнявшимся в большинстве случаев из среды местного населения и организованным по отдельным профессиям, в связи с чем закладывались основы будущей хозяйственной администрации; однако во главе его все еще стоял верховный жрец — *сангу* (*энси* — светский глава общины — в документах Шуруппака упоминается, но непосредственной роли в хозяйственном управлении он еще не играет). Значительное развитие к этому времени получило храмовое ремесло, но основная отрасль производства — земледелие и теперь еще не входило в число функций храмового хозяйства: храмовые земли не обрабатывались непосредственно силами самого хозяйства, но передавались для обработки общинникам.

С развитием производительных сил, с появлением бронзы, с окончательным внедрением плужной обработки земли и с развитием и специализацией ремесла завершается процесс становления классового общества и окончательного развития и укрепления государственной власти в лице местных *энси* (XXVI—XXIV вв. до н. э.). Храмовые хозяйства утрачивают свое прежнее значение. Более важные и крупные из них переходят во владение *энси* и начинают обслуживать прежде всего его и его двор. Соответственно изменяется и вся организация хозяйства, удовлетворяющего

¹ A. Falkenstein, *Archaische Texte aus Uruk*, 1936.

² St. Langdon, *Pictographic inscriptions from Djemdet Nasr*, 1928.

³ «Ur excavations texts», II: E. Burrows, *Archaic texts*, 1935.

⁴ A. Deimel, *Inschriften von Fara, II: Schultexte aus Fara, 1923; III: Wirtschaftstexte aus Fara*, 1924.

⁵ Хронология дается по системе Сиднея Смита.

теперь, в отличие от храмового хозяйства, полностью собственными силами все свои нужды. Система сдачи земли в обработку общинникам уступает место непосредственной обработке земли трудом партий специальных работников (так называемых «шублугалей»), рекрутируемых также из среды местного населения¹. Лишь значительно меньшая часть земель передавалась для обработки общинникам или раздавалась наделами. На примере «шублугалей» можно видеть, насколько далеко к этому времени подвинулся процесс вовлечения в «энсиальное» хозяйство местных производителей. «Шублугали» получали натуральное довольствие и заняты были не только на земледельческих, но и на различных других работах. Более широкое развитие получило теперь также садоводческое хозяйство, обслуживавшееся преимущественно трудом военнопленных и покупных рабов. На различных домашних работах (пряжение, помол зерна, уход за домашними животными) заняты были многочисленные партии рабынь. Более специальные, требовавшие квалифицированного труда работы выполнялись ремесленниками различных профессий, состоявшими при «энсиальном» хозяйстве.

Значительная часть персонала образовала специальные штаты, обслуживавшие непосредственно *энси* и членов его семьи. Соответственно все люди «энсиального» хозяйства образовали две основные группы — группу, непосредственно состоящую при дворе *энси*, и группу, занятую на работах более широкого хозяйственного значения (см. А. И. Тюменев, ук. соч., стр. 23 сл.). В общем «энсиальное» хозяйство характеризуется, таким образом, прежде всего чертами замкнутого хозяйства, сохраняющего еще до некоторой степени известные элементы патриархальности, о чем свидетельствует, например, положение женщин-рабынь и характер выполняемых ими работ. Потребность в получении некоторых продуктов извне, прежде всего из иноземных областей, удовлетворялась при посредстве специальных торговых агентов — «дамкаров», состоявших при дворе каждого *энси*².

С расширением сети каналов и орошенной площади создавалась необходимость в объединении местных каналов в единую ирригационную систему, в создании оросительных сооружений, охватывавших более обширную территорию. В области промышленного производства также сделаны были дальнейшие успехи; бронза входит во всеобщее употребление; рамки замкнутого «энсиального» хозяйства становятся слишком тесными для растущего ремесленного производства. В результате всех этих новых обстоятельств создавались предпосылки для установления более тесных связей между местными хозяйственными центрами. Только теперь устанавливаются более оживленные водные сообщения по рекам и более крупным каналам, не игравшие сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной жизни предшествовавшего времени. В документах времени третьей династии Ура плавание на судах, бурлачение, погрузка и разгрузка судов представляют один из самых обычных видов применения подневольного труда. Перевозились самые различные грузы: прежде всего скот и зерно, реже туши животных, кожи, шерсть, молоко, рыба, финики, тростник, металлы, камни, дерево и другие строительные материалы, трава, солома, готовые изделия и пр.³

¹ См. А. И. Тюменев, Хозяйственный персонал храма Бау..., ВДИ, 1948, № 1. «Шублугали» были еще более или менее тесно связаны с «городской общиной», из которой они были выделены; так, они входили в состав городского ополчения.

² Главным источником наших сведений об «энсиальном» хозяйстве служат хозяйственные документы из архива храма Бау, опубликованные в ряде изданий.

³ Свод данных относительно предметов перевозки см. Arman S a l o n e n, *Nautica babylonica* («*Studia orientalia*», XI, 1), Helsinki, 1948, стр. 29—33.

Все эти условия и послужили основанием и предпосылкой для более полного экономического и вместе с тем политического объединения страны. Объединение всей области южного Двуречья, начавшееся при Саргонидях (XXIV—XXIII вв.) и завершившееся при третьей династии Ура (конец XXII—XXI вв. до н. э.), не ограничивалось уже, как ранее, внешним признанием суверенитета господствующей общины с сохранением на местах наследственных и фактически почти независимых «энсиатов». Местные «энсиаты» ко времени третьей династии Ура утрачивают последние следы прежней независимости. *Энси* теперь — не более как назначаемые и сменяемые чиновники; нередки случаи перевода *энси* из одного местного центра в другой.

С объединением области в развитии государственного хозяйства начинается третья, завершающая стадия, стадия единого централизованного хозяйства (конец XXII—XXI вв. до н. э.). Местные «энсиальные» хозяйства превращаются в филиалы единого царского централизованного хозяйства с центром в столичном городе Уре. Соответственно коренным образом изменились их значение и внутренняя организация. *Энси* и его двор не только не занимают теперь того центрального места, которое они занимали в местном хозяйстве ранее, но и вообще не фигурируют в документах местных архивов, и это вполне понятно, поскольку *энси* этого времени уже не были самостоятельными наследственными правителями, но назначаемыми и сменяемыми чиновниками. При переводе в новый центр *энси* сдавали оставляемое ими хозяйство своему преемнику. В архиве Уммы имеется интересный документ, представляющий, повидимому, акт передачи скота от *энси* Уммы Аакалла назначенному на его место новому *энси* Дада (STD, № 237 гв., VIII, 8—11). Внешним выражением независимого положения местных хозяйств служит то обстоятельство, что документы местных хозяйственных архивов помечались датировками, принятыми в Уре, и скреплялись печатями, в которых на первом месте стояло имя царя и только на втором месте — имя местного *энси* с обозначением его как «слуги» («раба») царя.

Именно в связи с таким расширением границ и размеров хозяйства и с зависимым положением местных хозяйственных центров теперь впервые вводится совершенно неизменная ранее система отчетности и контроля. Должностные лица хозяйственной администрации (как в центре, так и, в особенности, на местах), начальники рабочих партий, начальники мастерских, заведующие хозяйственными складами должны были представлять ежегодные отчеты о результатах своей деятельности. Контроль осуществлялся также при посредстве высших чиновников, именем которых скреплялось большинство хозяйственных документов, наконец, путем составления специальных контрольных актов (по формуле *igi-gar-ag*) в отношении наличного состава рабочих партий или на месте производимых ими работ. Связующим звеном между Уром и местными центрами служил новый институт царских посланцев (*lu kin-gi₄-a, gim₄* и др.), через которых производились сношения с местами.

Между хозяйством Ура и других местных центров устанавливается и непосредственная связь. Царям Ура принадлежали многие посевные поля на территории других городов: в области Лагаша (UET, III, № 1367 гв., 1, 9), Уммы (там же, № 1357, 3 гв., 12) и др. В некоторых документах идет речь относительно обработки рабочими Ура полей, находившихся на территории других городов (там же, №№ 1349, 1400). Ур располагал далее садовыми плантациями в местных филиалах, например, в Уруке (там же, № 1109), а также пастбищами, например, в Умме, где разводилась специальная порода овец *ka-si*, причем для ухода за этими овцами посылались из Ура специальные партии рабынь (*gim*) (там же, № 1441, 1446, 1454).

Обычны были в это время также переброски работников из одного центра в другой. Если, как только что отмечалось, работники Ура обрабатывали поля в областях местных центров, то, с другой стороны, нередко в самом Уре мы встречаем работников из других городов (из Лагаша, из более отдаленного Кимаша).

С ростом потребностей царского хозяйства расширялись и внешние сношения и торговые связи, что нашло себе выражение в возросшей деятельности и хозяйственной роли «дамкаров»; сохранился ряд отчетов об их деятельности как в центре, так и в местных хозяйственных архивах.

Существенные перемены, происшедшие в организации государственного хозяйства, совершенно новые стоявшие теперь перед ним задачи должны были самым непосредственным образом отразиться на положении занятой в нем рабочей массы. Поскольку «энсиальное» хозяйство ставило перед собою относительно скромные задачи обслуживания *энси* и его двора, поскольку оно вместе с этим отличалось замкнутым характером, это находило себе выражение в сохранении известных черт патриархальности (например, в характерных для патриархального хозяйства видах эксплуатации женского труда — помол муки, прядение шерсти), в незначительности и обособленности группы ремесленников, обслуживавших несложные потребности двора *энси*. Вместе с тем система натурального довольствия сочеталась частично с раздачей наделов. Теперь все это коренным образом должно было измениться. С исчезновением «энсиального» хозяйства в его прежнем виде неизбежно должны были исчезнуть и все эти свойственные ему черты.

В связи с исчезновением замкнутых хозяйственных коллективов с тенденцией в сторону хозяйственной централизации в общегосударственных масштабах происходит общая нивелировка рабочей силы. Специальные термины, служившие для обозначения особых групп рабочих, как *igi-nu-du₃* (садовые работники), *sub-lugal* (земледельческие работники), *gis-kin-ti* (ремесленники), не встречаются более. Все работники царского хозяйства образуют теперь одну общую массу и обозначаются термином «гуруши»¹. Независимо от квалификации все работники разбиты теперь на партии (квалифицированные работники — по профессиям), подчиненные особым надзирателям — *ugula*. Характерным для времени третьей династии Ура представляется также факт почти полного прекращения практики наделения персонала царского хозяйства землей и вытеснение ее системой натурального довольствия². Вместо дачи наделов теперь получает распространение

¹ «Гуруш» — букв. «сильный», со значением «взрослый мужчина в расцвете лет»; в хозяйственных документах более раннего времени и в таком, например, документе, как надпись о покупке земель на обелиске Маништусу, этот термин употребляется для обозначения свободных людей-общинников. Ко времени III династии Ура он утрачивает это свое значение и применяется преимущественно к зависимым работникам царского хозяйства. В первоначальном своем значении слово «гуруш» сохраняется только в титулатуре царей III династии Ура в качестве прилагательного *ni₃ kala-ga* «муж сильный».

² Документы о распределении наделов в это время единичны и носят случайный характер, см., например, TUT, № 164/15: несколько пастухов получают ничтожные наделы по 1—2 *ган* ($1\frac{1}{3}$ — $2\frac{2}{3}$ га); Barto n, I, № 26, табл. 22: распределение участков от 1 до 6 *ган* ($1\frac{1}{3}$ —2 га) между несколькими поименно названными лицами; SAD, № 144; значение документа Sch neid er, Berl., № 489, не совсем ясно, см. А. И. Тю м е н е в. К вопросу о наемном труде в царском хозяйстве времени третьей династии Ура, ВДИ, 1950, № 1. В изданном И. М. Дьяконовым письме из собрания Эрмитажа (ВДИ, 1939, № 1, стр. 59 сл.) речь идет, повидимому, о наделе воина или чиновника; это письмо служит единственным основанием для обобщающего утверждения акад. Н. М. Никольского в его книге «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье», 1948, стр. 31—32, о продолжении практики наделения землей и при третьей династии Ура.

иная практика — практика выделения полей, сбор с которых предназначался на содержание различных групп административного и рабочего персонала, но которые обрабатывались в общем порядке партиями земледельческих работников — «энгаров»¹. Соответственно и поля эти обозначались не как *gān kur₆-ra* «поле питания», но как *gān se kur₆-ra* «поле зерна питания».

Основная масса работников царского хозяйства и теперь принадлежала к местному населению, о чем можно заключить хотя бы уже по тому, что ядро ее составляли работники бывших «энсиальных» хозяйств, рекрутировавшиеся из среды местных производителей. В пользу этого говорит также и тот факт, что, например, в составе персонала дворцового и храмовых хозяйств Ура рабы и рабыни выделялись в особую группу, отличную от остальной массы «гурушей». Однако если по своему происхождению работники царского хозяйства не отличались от работников «энсиальных» хозяйств предшествовавшего времени, то в положении их произошло решительное изменение к худшему. В отличие от «шублугалей» времени Уруквагины, «гуруши» царского хозяйства времени третьей династии Ура представляли уже совершенно бесправную, жестоко эксплуатируемую массу, положение которой в экономическом отношении почти не отличалось от положения настоящих рабов².

¹ См., например, УЕТ, III, № 1355 гв., 5: поле пастухов; 1429, II, 5—6: питание писцов, «нубанд», пастухов и пр.; там же, III, № 1367: на содержание персонала мастерских Ура; М. В. Н и к о л ь с к и й, II, № 236: в числе полей другого назначения поля, предназначенные на содержание писцов и жрецов; STD, № 210; Cont., Oumma, № 4; ТЕО, № 5675, III, 19 и др.; № 6041: питание земледельцев; КСВ, № 116: поле пастухов. В архиве Лагаша имеется документ (СТ, IX, № 20015, табл. 47), содержащий записи в суммарных количествах распределения поля Думи общей площадью в $91 \frac{5}{18}$ бур, или 1643 малых *ган* (около 575 га), между жречеством и различными группами административного и рабочего персонала храма Нанше, в том числе 15 «энгарам» по 12 *ган* (около 4 га), 150 *эрен* по $\frac{4}{2}$ ($1\frac{1}{2}$ га), 144 *эрен* по $2\frac{1}{2}$ *ган* (около $\frac{5}{6}$ га). Акад. В. В. Струве, Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура, СВ, VI (1949), стр. 183—184, видит в этом документе распределение храмовой территории в наделы, а в командах *эрен* — воинов. Однако, судя по тому, что в табличке речь идет исключительно о лицах жреческого и хозяйственного персонала (*сангу*, *шабра*, *нубанда гуд*, наконец, об «энгарях»), и в *эрен*, повидимому, следует видеть не воинов, а партии работников, и всю запись рассматривать как относящуюся к хозяйственному персоналу храма. В то же время следует иметь в виду, что самая табличка не имеет характера документа. Она никак не датирована и не скреплена ничьим именем, в конце указано лишь звание *сангу*, но без обозначения имени; самое поле не названо «полем кормления». Вот почему по самому характеру и по содержанию этой записи в ней следует видеть не документ о разделении полей в наделы, но не более как наметку с разбивкой полей на участки, предназначенные для содержания отдельных групп храмового хозяйственного персонала, за что говорит и самый суммарный, в круглых цифрах, способ расчета. Наконец, из другого современного документа (от 2-го года правления Пурсина) известно, что «энгары» вместе с подчиненными им работниками (*эрен*) храма Нанше получали натуральное довольствие, притом в количествах, вполне соответствовавших их полному обеспечению.

² Что положение «гурушей» времени третьей династии Ура было близко к положению настоящих рабов, убедительно доказано на основании данных отчетных документов об использовании рабочей силы акад. В. В. Струве еще в его статье «Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура» (Сб. «Акад. С. Ф. Ольденбург» 1934, стр. 21 сл.; ср. также В. В. Струве, Еще о рабовладельческой латифундии Сумера III династии Ура, ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 211 сл.) и в особенности в его последней статье «Новые данные...», где собран еще более обильный материал. В статье «Общественный строй южного Междуречья в эпоху третьей династии Ура» (в юбилейном сборнике АН СССР, посвященном тридцатилетию Великой Октябрьской революции, 1947, стр. 720 сл.) акад. В. В. Струве говорит, что во времена третьей династии Ура «основная масса рабов» рекрутировалась из среды местного населения. Нельзя, однако, согласиться с развиваемой при этом автором концепцией, согласно которой такое привлечение населения к несвободному труду пред-

В связи с войнами и с военными походами царей Ура и, может быть, также в известной степени в результате возросшей потребности в рабочей силе во времена третьей династии Ура удельный вес собственно рабского труда (труда людей, специально обозначенных в документах как *egè|| arad*) в царском и храмовых хозяйствах несколько возрос. В документах иногда идет речь о военнопленных, преимущественно, однако, о военнопленных женщинах. Так, в документах архива Ура встречаем упоминания о плененных женщинах, поступивших в распоряжение *угула* ткачих (UET, III, № 1768), о плененных амореях (там же, 1391, IV, 5). Наибольший интерес представляют документы из архива Уммы, касающиеся военнопленных женщин, содержащихся в специальном лагере, повидимому, на пропускном пункте, откуда они направлялись в различные храмы и на работы¹. В архиве той же Уммы имеется документ, содержащий запись помесячного расхода муки на содержание партии военнопленных (*nam-ra-ag* — Schneider, Berl., № 342). Хотя пол этих плененных и не указан, однако, судя по аналогии с другими названными документами, более вероятным представляется предполагать, что в данном случае речь идет о плененных женщинах. В параллель можно указать еще на один документ из того же архива, содержащий запись 113 плененных женщин с их детьми (13 мальчиков и 46 девочек), переданных в храм бога Шара в Умме (STD, № 67). Рабыни поступали в храмовые хозяйства, повидимому, также и в результате пожертвования со стороны частных лиц. В документах со списками *гим* (*gim*) и *гим-ткачих* (*gim-us-bar*) из Лагаша многие женщины обозначены как «пожертвованные» (*a-gu-a*) обычно в сопровождении имени жертвователя (в одном случае в качестве жертвователя назван *энси* (TUT, № 150, II, 14).

Более полные данные не только о рабынях, но и о рабах мужского пола имеются только в отношении столичного города Ура, где как в дворцовом, так и в храмовых хозяйствах рабы вместе с рабынями выделяются в особую группу. Так, в документе, содержащем запись выдачи довольствия персоналу царского дворца, особую группу образуют люди, обозначаемые как *nam-nita*, в которых, повидимому, следует видеть рабов². В списке людей *гарду*³ значится группа из 32 «рабов дворца» (*arad é-gal-me*), в том числе 25 взрослых («гурушей»), 5 мальчиков (*думу*) и 2 престарелых «гуруша» (*gv.*, II, 1 сл.). В том же документе упоминаются также рабы, состоявшие при людях *гарду* (38 + 16 рабов — I, 6, 12) и при людях *maš-en-dù* (*мушкену*) — 51 человек (II, 14—15).

В качестве особой группы рабы и рабыни выделяются также и в документах о довольствии персонала различных храмов Ура (*gim arad-e-ne*), причем помимо рабов все эти храмы обладали большим числом других

ставляло позднейшее явление, пришедшее на смену существовавшей будто бы ранее практике преимущественной эксплуатации собственно рабского труда (там же, стр. 736). Такому утверждению решительно противоречит все то, что нам известно о постепенном закабалении местного населения в предшествовавшее время.

¹ UET, III, № 6039; М. В. Никольский, II, № 329. Анализ этих документов дан в ст. акад. В. В. Струве, ВДИ, 1952, № 3, стр. 12—25.

² UET, III, № 1077. *Nita* означает, собственно, «мужчина», однако та же идеограмма лежит, как известно, в основе идеограммы «раб» с добавлением идеограммы «горная страна», в данном случае опущенной и, быть может, замененной обезличивающей частью *nam*. При буквальном понимании термина («мужской пол») выделение относительно небольшой части персонала в качестве лиц мужского пола было бы лишено всякого смысла. Так же толкует термин *nam-nita* в аннотации к данному документу и издатель (ср. «Vocabulary» s. v. v. *arad* и *nita*).

³ UET, III, № 1499. Значение термина *гарду* (*gàr-du*) в данном случае, как и самого документа, не вполне ясно.

работников, обозначавшихся как «гуруши», *эрен* или по специальности как «энгары», ремесленники различных профессий и т. п. Это прежде всего относится к храмам главных божеств Ура, бога Наннар¹ и богини Нингаль². Наиболее часто упоминание группы рабов и рабынь встречается в хозяйстве храма Карзида (é Kar-zi-da), повидимому, тождественного с Гипар, нового храма, сооруженного в честь обоих названных богов³. Группа рабов и рабынь этого храма была особенно многочисленна, что объясняется как значением храма, так, вероятно, и тем обстоятельством, что большое число рабов передано было в храм в связи с его сооружением. Рабы и рабыни (*gim arad-e-ne*) храма Карзида упоминаются преимущественно в связи с выдачей довольствия, причем обычно они получали по специальным документам (UET, III, №№ 1047, 1049, 1062). По особым документам получали довольствие также большое число рабынь-ткачих (*гим уш-бар*) храма Карзида (там же, № 1033, 1040). Помимо документов выдачи довольствия рабам и рабыням, имеются документы о выдачах также и другим группам персонала храма Карзида — «гурушам» и «укуушам» (№ 1066), носильщикам-*угиль* и суконщикам (№ 1091). Небольшими партиями рабов и рабынь, наряду с прочим персоналом, располагали также и другие, менее значительные храмы Ура — храм Думузи (Таммуза) (№ 1064), Ниназима (№ 1022, ср. № 931), Нин-уру...да (№ 1062).

То обстоятельство, что рабыни и рабы выделялись в особую группу персонала только в столичном городе Уре, а в других хозяйственных центрах мы не только не встречаем обособленных партий рабов и рабынь, но и вообще относительно рабов мужского пола имеются лишь редкие и случайные сведения, не представляется случайным. Очевидно, основная масса военнопленных мужского пола, поступавших в страну в результате победоносных походов, оседала почти исключительно в столичном городе; напротив, на экономике остальных хозяйственных центров области приток военнопленных отразился, повидимому, очень мало, не внося в состав работников, по крайней мере, судя по данным местных хозяйственных архивов, никаких сколько-нибудь существенных изменений.

Документы относительно выдачи довольствия группе рабов и рабынь содержат и некоторые прямые или косвенные указания относительно численности этой группы. Так, согласно документу о выдаче довольствия дворцовому персоналу, в котором группа рабов (*nam-nita*) противопоставляется остальному персоналу дворца (*še-ba šag é-gal-ka* — III, № 1077), при подсчете сохранившихся данных на группу *nam-nita* приходится 44 *гур* 225 *сила* + ?, на остальной персонал — 91 с лишним *гур* при общем итоге выдачи 297 *гур* с лишним. Из сопоставления этих цифр можно видеть, что группа рабов составляла относительно значительный процент дворцового персонала. Принимая во внимание, что средняя норма выдачи фиников, о которой, повидимому, в данном документе идет речь, равнялась 20—25, понижаясь иногда до 10 *сила* в месяц, путем деления общего (непостоянного) количества полученных *nam-nita* фиников на обычную норму месячной выдачи, можно придти к заключению, что только по сохранившимся данным общее число людей *nam-nita* (рабов?) должно было быть не менее 600 человек.

¹ UET, III, №№ 1146, 1149: довольствие группе *gim arad-e-ne* храма Наннар; ср. № 976: довольствие *эрен* того же храма.

² Там же, № 1093: выдача фиников *gim arad-e-ne* из *é dub-ba* ^dNingal.

³ В храм Карзида, очевидно, в связи с окончанием его постройки царем Пурсином, была пожертвована группа певцов (UET, III, №№ 1072, 1073). Тогда же, согласно датировке 9-го года Пурсина, был избран верховный жрец *en* ^dNannar Karzida.

Более определенные и непосредственные данные относительно численности группы рабов имеются в отношении рабов, принадлежавших храмам. Самые полные сведения содержат документы храмового хозяйства é Kar-zi-da. По списку выдачи довольствия gim arad-e-ne этого хозяйства (UET, III, № 1049) значится около 170 взрослых работников, 15 *гим* (gim us-bar, как уже сказано, получали по особым спискам) и 73 *думу*. Из другого аналогичного документа (там же, № 1047) известно, что среди рабов мужского пола храма Карзида были певцы и музыканты (ср. №№ 1072, 1073), земледельческие работники (sag-gud), садовники (sig₇-a). Помимо рабов и рабынь, входивших в эти общие списки, храм Карзида обладал еще большим числом ткачих (gim us-bar). Согласно одному документу о довольствии ткачих (UET, III, № 1040), число их достигало 130—140 и 66 детей при них. Соединяя все эти числа, получаем общее число рабов и рабынь храма Карзида с состоявшими при них детьми — от 400 до 500 человек. Число рабов и рабынь меньших храмов Ура было, естественно, значительно меньше, ограничиваясь в отдельных случаях несколькими рабами и рабынями.

В документах архивов местных хозяйственных центров времени третьей династии Ура более полные и определенные сведения имеются лишь относительно рабынь (*гим*); рабы же мужчины, поскольку они имелись в составе рабочего персонала местных центров, не выделялись из общей массы, причем и самый термин *эре* (*арад*), обозначающий раба, встречается лишь в исключительных случаях. Но и в тех случаях, когда этот термин встречается, он применяется лишь в отношении отдельных индивидуальных работников¹. В одном из документов архива Уммы, содержащем список людей, получавших зерновое довольствие, наряду с большим числом женщин *гим*, работавших в мастерской для варения пива и благовоний (é šim) и на помол зерна (gim-arà), а также небольшим числом «гурушей» (в том числе несколькими столярами), четыре поименно названных лица специально обозначены как рабы — *эре* или *арад*, один из них *думу эре* (Schneider, *Mont.*, № 285, 69). В одном случае идет речь о покупке от имени начальника партии земледельческих работников (*нубанда гуд*) Лугальтитуда, часто фигурирующего в отчетных и первичных документах, земледельца — «энгара» Гудаду (М. В. Никольский, II, № 406). Столь же случайны упоминания о рабах-мужчинах в царском хозяйстве и в документах архива Лагаша. Так, в списке сукошциков (lú túg-me) дважды повторяется указание на группу из четырех, входивших в эту партию мальчиков-рабов (*думу эре* — Pinches, № 84).

Но если данные о рабах мужского пола в документах местных архивов спорадичны и случайны, то численность рабынь, относительно значительная уже в местных «энсиальных» хозяйствах предшествовавшего времени, и теперь остается столь же высокой. Хотя главную массу среди женщин-рабынь составляли ткачихи (gim us-bar), однако, как будет показано, их труд использовался далеко не только на ткацких работах, но также, и притом в большинстве случаев, на других самых разнообразных работах. В Умме партии *гим*, подчиненные особым надзирателям, были очень много-

¹ В архиве Уммы имеется единственный документ (Cont., Contr., № 54), содержащий список имен с обозначением в итоге: «всего 30 „гурушей“ — рабов писцов». Значение этого документа неясно: идет ли речь о рабах, состоящих или распределяемых между писцами, или же этот термин употреблен в данном случае в каком-либо ином значении. Во всяком случае, судя по датировке документа, помеченного не обычной для третьей династии Ура датой по событиям царствования данного правителя, но просто 5-м годом, он относится не к описываемому времени, но к предшествовавшему периоду, когда такие упрощенные датировки применялись в документах архива Уммы.

численны и насчитывали от 40 до 50 *гим* в партии¹. Еще более крупные партии *гим*-ткачих были в Лагаше. Так, один список довольствия зерном и шерстью партии ткачих *угула* Урбау насчитывает 111 *гим*, 53 детей и одну престарелую *гим* (TUT, № 159). В другом совершенно аналогичном документе из местечка Гуабба (на территории Лагаша) числится 135 ткачих, 91 ребенок обоего пола и четыре престарелые женщины (там же, № 162). Наконец, третий документ из того же архива, содержащий сводную запись общего числа женщин-ткачих нескольких партий, находившихся в ведении четырех различных «нубанд», дает еще более крупную цифру — всего 816 *гим*-ткачих (277 + 235 + 198 + 106 — TUT, № 164/19).

Потребности обширного царского хозяйства настолько возросли и усложнились к этому времени, что собственной непосредственно занятой в нем рабочей силы не хватало, и в таком случае прибегали к найму дополнительных работников из среды населения, стоявшего вне царского хозяйства. Практика найма недостающей рабочей силы, прежде всего для полевых работ, совершенно неизвестна из документов предшествующего времени, при третьей династии Ура получает широкое распространение. Об этом свидетельствуют как первичные документы, содержащие записи поступления наемных работников на поля, так и отчетные документы чиновников, заведывавших партиями земледельческих работников, о произведенных ими за год работах и об использованной ими рабочей силе². На основании отчетных документов, в которых расчет рабочей силы производится в человеко-днях, можно определить, какое место занимал наемный труд в царском хозяйстве. Так, в отчете «нубанды гуд» Лугальгуде, заведывавшего партией из 24 земледельческих работников (за 4-й год царя Пурсина — ТЕО, № 5675), из общего числа 12595 $\frac{1}{6}$ человеко-дней, об использовании которых составлен этот отчет (стб. II, стк. 18—21), приходилось 9360 дней подчиненных Лугальгуде работников ($24 \times 30 \times 13^3$), 2605 $\frac{5}{6}$ человеко-дней работников, получавшихся временно от других надзирателей, и 630 человеко-дней наемных работников (237 с оплатой в 7 *сила* зерна за день и 393 с оплатой в 6 *сила* — стб. 1, стк. 7—12), что составляет 5% на 95% работников царского хозяйства. В других случаях процент использования наемной рабочей силы бывал и значительно выше. Так, по отчету другого «нубанды гуд» Урнинсу (ТЕО, № 5676) из общего числа 9108 человеко-дней 1813 (или около 20%) человеко-дней приходится на наемных работников.

Наемные работники работали или обособленно специальными группами или в качестве дополнительной рабочей силы совместно с «гурушами» и «энгарами». Чаще всего наемные работники привлекались во время посевных работ для вскапывания (al) земли⁴. Гораздо реже наемные работники заняты были на других работах — рубке тростника, сборе травы и пр.⁵.

¹ Schneider, Berl., № 401; Bédale, №№ 56—58.

² UET, III, №№ 1342, 1360, 1364 и др.; М. В. Никольский, II, №№ 143, 251 и др.; Cont., Contr., №№ 61, 80, 81; H a c k m a n, №№ 240, 257 и др.; STD, № 209; KCB, № 116; Schneider, Berl., №№ 211, 231; Schneider, Str., №№ 84, 151, 152; Schneider, Mont., №№ 204, 205, 229 и др.; Barton, III, № 350, табл. 133, № 386, табл. 146; CT, VII, №№ 13163, 15324, 17767; IX, №№ 14318 и др.; TUT, №№ 2, 15, 19 и др. Отчетные документы ТЕО, №№ 5675, 5676; H a c k m a n, № 272; SAD, №№ 83, 94, 117, 118; Legrain, № 378.

³ На отчетный год по шумерскому календарю приходится один дополнительный, тринадцатый, месяц.

⁴ См., например, UET, III, №№ 1342, 1360, 1364, 1395, 1400; М. В. Никольский, II, № 143; H a c k m a n, №№ 257, 271; Cont., Contr., №№ 61, 81; Schneider, Berl., № 231; Schneider, Str., №№ 84, 151, 152; Schneider, Mont., №№ 204, 229, 368; TUT, № 19 и др.; Legrain, № 378.

⁵ М. В. Никольский, II, № 143; H a c k m a n, №№ 240, 278, 342;

Уже то обстоятельство, что нехватка рабочей силы в царском хозяйстве восполнялась путем найма недостающих работников, делает сомнительным предположение об использовании в царском хозяйстве (по крайней мере, в описываемое время) труда общинников, привлекаемых в порядке повинности¹. Труд местных производителей, как показано выше, эксплуатировался не путем временного привлечения их на работы в царском хозяйстве, но в результате непосредственного вовлечения их в это хозяйство. Никаких прямых указаний на использование труда общинников в царском хозяйстве документы архивов этого времени не содержат. Мы видели, что даже наемный труд в царском хозяйстве применялся лишь во время сезонных работ, связанных с обработкой почвы и с посевом. Что же касается уборочных работ, то эти последние выполнялись, повидимому, силами самого царского хозяйства и его местных филиалов. Об отправке «гурушей» и *гим* на работы по жатве и уборке зерна в житницы свидетельствуют как отчетные документы заведующих рабочими партиями, так и многочисленные первичные документы. Так, согласно цитированному выше отчету заведующего партией земледельческих работников Лугальгуде (Умма), из общего числа 12 595 $\frac{1}{6}$ человеко-дней на уборочные работы (жатва и сбор овощей) затрачено было всего 1309 дней², следовательно, свыше 10% общего числа отчетных человеко-дней. Отправка «гурушей» на уборочные работы отмечается и в других отчетных документах. Так, по другому отчету того же Лугальгуде, на уборочные работы было использовано свыше 1000 рабочих дней при общем числе 11100 человеко-дней отчета³. Еще более крупные числа человеко-дней «гурушей», посылаемых на уборочные работы, дают первичные документы. Так, например, согласно одному документу из Ура, 44 «гуруша» было направлено на поле Дусагга на работы по жатве и молотье зерна на 45 дней, что в общей сложности составляет 1980 человеко-дней (UET, III, № 1346). В Умме от надзирателя Лузаггани было передано другому на уборочные работы большое число «гурушей», причем общее число их человеко-дней составляло 501 на жатве ячменя и 664 на сборе овощей (Schneider, Str., 213). В другом случае на жатву ячменя было затрачено 277, а на сбор овощей — даже 969 человеко-дней «гурушей» (М. В. Никольский, II, № 150). Такое же участие большого числа «гурушей» в уборочных работах имело место и в Лагаше. И здесь согласно, например, одному документу (Barton, III, № 55, табл. 73), на уборке урожая ячменя и на различных полях затрачено было 1862 человеко-дня «гурушей».

Первичные документы об отправке партий «гурушей» на различные поля на уборку урожая, молотье, переноску и ссыжку зерна в житницы

Cont., Contr., № 80; Schneider, Berl., № 151; Schneider, Mont., № 242; Barton, III, № 350, табл. 133.

¹ Это положение отстаивал акад. Н. М. Никольский в полемике с акад. В. В. Струве (ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 207—210). В изданном в прошлом году курсе истории древнего мира Н. М. Никольский продолжает утверждать, что «все срочные и сезонные работы, требовавшие большого количества рабочих, выполнялись общинниками в порядке работ на „дом царя“» (выражение, относящееся к более позднему времени), следовательно, не применимое в отношении времени третьей династии Ура.— А. Т.) (В. Н. Дьяков и Н. М. Никольский, История древнего мира, М., 1952, стр. 84). Гипотеза Н. М. Никольского строится исключительно на неправильном и одностороннем толковании отчетного документа Лугальгуде (ТЕО, № 5675). Ср. ответ Н. М. Никольскому В. В. Струве, ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 211 сл., и о н же, Новые данные..., стр. 153 сл.

² В том числе на поле Камари — 443 на жатву и 185 на уборку овощей и 336 без более точного обозначения (II, 24—30), на поле бога Шара и в поле Лальмах — 345 человеко-дней на жатву ячменя и сбор овощей (III, 2 сл.).

³ Н а с к т а н, № 272, II, 5 сл. 13, 15 сл.; см. также отчет Урнинсу, ТЕО, № 5676, II, 5 и др.

представляют самое обычное явление как в архивах Ура, так и в местных архивах¹. Один обширный документ из архива Уммы дает полную картину производства на двух полях уборочных работ трудом больших партий направляемых на эти работы «гурушей»: 480 «гурушей» на один день на жатву ячменя, 15 «гурушей» на 1 день собирать и убирать овощи, 964 на 1 день доставлены в местность Рака, 134 на 1 день молотить и убирать в житницы зерно в поле Гу Эден, 400 на 1 день на жатву ячменя, 333 на 1 день собирать и убирать овощи, 400 на 1 день в местность Рака, 80 на 1 день молотить и убирать зерно в житницы в поле Ушгидда (58-й год Шульги — М. В. Никольский, II, № 159).

На уборочные работы (прежде всего на переноску зерна) направлялись также большие партии *гим*².

Один документ из архива Уммы содержит общий итог подсчета всех людей, занятых на жатве (*erén se-gur₁₀-gur₁₀-me*) в различных «энсиатах» по всей области, причем число «жнецов» по отдельным «энсиатам» колебалось от нескольких сот до нескольких тысяч (ТЕО, № 6041). Предположение, что в данном случае имеются в виду люди, привлеченные к уборке урожая в порядке общественной повинности, маловероятно уже по одному тому, что использование на уборочных работах такого рода работников в столь обширных размерах должно было бы найти себе отражение в хозяйственных документах, чего, как мы видели, на самом деле не наблюдается. Маловероятно такое предположение и потому, что рабочая сила привлечавшихся к общественной повинности общинников вряд ли могла бы учитываться хотя бы с приблизительной точностью, тогда как документ содержит точные цифры, в отдельных случаях до учета единичных работников³. Повидимому, документ этот представляет подсчет общего числа работников царского хозяйства, которые могли быть привлечены к уборочным работам. Хотя работники царского хозяйства в своей массе и происходили из среды местного населения, однако, поскольку они утратили хозяйственную самостоятельность и были непосредственно вовлечены в царское хозяйство, труд их, естественно, не может рассматриваться как выполнение общественной повинности. Они посылались на уборочные работы, как и на другие работы, не в порядке привлечения к общественной повинности, а в силу их непосредственной принадлежности к персоналу царского хозяйства. Что в данном документе речь идет именно о работниках царского хозяйства, а не об общин-

¹ УЕТ, III, № 1338, 1346, 1407, 1412, 1482 (на уборку урожая направлены квалифицированные работники мастерских); М. В. Никольский, II, №№ 123, 130, 141, 151, 155, 159, 162; Schneider, Berl., № 222; Schneider, Mont., №№ 252, 369; H a c k m a n, №№ 74, 86, 217, 233, 236; TUT, № 1; B a r t o n, II, № 55, табл. 73; ср. Фрагмент отчета C u g n i n, № 16.

² УЕТ, III, № 1330; М. В. Никольский, II, № 144; Schneider, Str., №№ 68; Schneider, Mont., № 214; H a c k m a n, № 252. Сбор овощей: ТЕО, № 5669; STA, №№ 2, 5; STD, №№ 85, 92; Schneider, Berl., № 183; Schneider, Mont., №№ 190, 194.

³ То обстоятельство, что люди, обозначенные в документе как «жнецы», названы в то же время не «гурушами», но *эрен*, не может иметь значения, так как «гурушу», фигурирующие в первичных и отчетных документах, в то же время обозначаются и как *эрен*. Можно указать, например, на буллы, подвешивавшиеся к корзинам с отчетными документами надзирателей до использования ими рабочей силы, в которых «гуруши» отчетных документов называются *эрен*, например, «корзина документов с отчетом о рабочей силе *эрен*»—*pisan-dub-ba nig-šid-ag* (или *dub-dib-ba*) à *erén-na-ka*. До нас дошло большое число таких булл, причем во всех случаях «гуруши» отчетных документов обозначаются как *эрен*. Нередки документы, в которых «гуруши» текста в итоге обозначаются как *эрен*, см., например, TUT, №№ 170, 172. Самый термин *эрен*, согласно его буквальному значению, применялся лишь для обозначения того, что речь идет о партиях, отрядах (работников, воинов).

никах, это можно видеть и из того обстоятельства, что указанное в этом списке число «жнецов» Уммы, занимавшей третье место по количеству рабочей силы, именно 2600, в общем соответствует числу работников 2850, указанному в специальном документе, содержащем запись общего числа людей дворца (сверх работников указаны еще 600 «людей *эиси*» и 120 лиц административного персонала — ТЕО, № 6166)¹. Акад. В. В. Струве путем предположительного подсчета устанавливает также общую численность работников, занятых в царском хозяйстве в Умме, в 2000—3000 человек («Новые данные...», стр. 179).

Если из приведенных данных можно заключить, что все потребности царского хозяйства удовлетворялись силами самого этого хозяйства с привлечением в случае необходимости только наемной рабочей силы, то, с другой стороны, документы архивов царского хозяйства не содержат никаких указаний относительно участия работников царского хозяйства в строительстве и оросительных работах общегосударственного характера и значения (за исключением строительства или ремонта хозяйственных построек или специальных работ по орошению полей царского хозяйства). Напртив, имеется ряд указаний на то, что строительные и оросительные работы производились в порядке привлечения населения к принудительной повинности. Оросительные работы, как показывают данные древнешумерского эпоса о Гильгамеше, уже с ранних времен выполнялись трудом самого населения; о том же говорят документы времени Урукагины. Позднее, во времена первой вавилонской династии, забота о содержании каналов в порядке также возлагалась на население. Производство оросительных работ при касситской династии составляло один из главных видов лежавших на населении повинностей, о чем свидетельствуют данные иммунитетных документов — *кудурру*.

О производстве строительных работ путем привлечения населения говорит надпись Гудеа, о том же свидетельствует правительственная переписка времени первой вавилонской и касситской династий; труд населения на строительстве, наконец, широко применялся и в нововавилонское время. Относительно привлечения населения к строительным работам имеются некоторые, правда единичные и случайные (что объясняется прежде всего самим содержанием документов, относившихся исключительно к царскому хозяйству), указания и в документах описываемого времени. Так, в одном документе из Лагаша идет речь о строительстве какой-то стены, в котором принимали участие люди из Кинунира, Нанше, Гуаббы, местечек области Лагаша (Barton, I, № 349, табл. 14). Возможно также, что люди, занятые в Уре на строительстве и получавшие довольствие — «хлеб в розницу» (*ninda kú erén didli*), а не по обычной формуле (УЕТ, III, № 1121), были привлечены в порядке повинности. Находящийся в Британском музее документ из Лагаша времени третьей династии Ура также, повидимому, имеет в виду организацию людей, привлеченных к повинности: они разбиты на партии, подчиненные «старшему брату» (*šeš-gal*) и находящиеся в общем ведении «общинного (городского) надзирателя» (*ugula uru* — СТ, X, № 14612).

Использовался ли и в какой именно мере на строительстве труд военнопленных, как обычно предполагают, на этот счет не имеется никаких прямых указаний в источниках. Указывают на факт широкого строительства при царях третьей династии Ура, связывая его с возросшим притоком военно-

¹ К сожалению, в том экземпляре издания Женульяка, которым я пользовался, таблица, содержавшая этот документ, оказалась утерянной. Мне пришлось поэтому цитировать его по краткому изложению Женульяка в «Babyloniaca», VIII.

пленных, особенно в правление Шульги. Следует, однако, заметить, что, судя по датировкам времени этого царя, сооружение храмов и других строений приходится преимущественно на первую половину, датировки же победоносными походами — на вторую половину его правления.

Положение персонала царского хозяйства, по сравнению с предшествующим временем, резко ухудшилось. Все работники этого хозяйства, как уже отмечалось выше, независимо от своего происхождения и квалификации, образуют теперь единую и жестоко эксплуатируемую массу. Все они одинаково состоят на полном натуральном довольствии, притом далеко недостаточном. Натуральное довольствие ограничивалось почти исключительно выдачей зерна по крайне скудной норме. Обычной нормой для мужчин было 60 *сила*, что составляет 24,6 л или, в весовых единицах, около 36 кг ячменного зерна в месяц. По более высоким нормам получали только земледельческие работники — «энгары» по 120—125 *сила*, *шаг гуд* по 80—85 *сила*¹. Однако и в этом случае нормы выдачи иногда сильно разнообразились². Обычной нормой для женщин, как и для младших (половинных) работников, было только 30 *сила* (около 18 кг). Производились ли выдачи иных продуктов, помимо зерна, в местных хозяйственных центрах, неизвестно. Сведения о таких выдачах случайны и единичны и относятся почти исключительно к женщинам *гим*. Так, военнопленные женщины в Умме получали по 20—40 *сила* муки и по 10—20 *сила* пива в месяц (М. В. Никольский, II, № 329); женщины-ткачихи получали иногда мясную пищу³ и хлеб (Pinches, 106); один из документов архива Лагаша содержит запись выдачи растительного масла и фиников также женщинам-ткачихам (TUT, № 164/13). То обстоятельство, что дополнительные продукты получали только женщины, стояло, быть может, в связи с низшим зерновым пайком, получавшимся женщинами. Мне известен только один документ (из Лагаша) относительно получения дополнительных продуктов большим числом «гурушей» (до 850 человек), а именно — пива и других напитков (от 2 до 10 *сила* = 0,8—4,1 л), хлеба (от 2 до 15 *сила*), растительного масла по 2 *гин* (16, 8 г — STA, № 8). Здесь же приводятся количества названных продуктов, выданные лицам административного персонала — «нубандам», *зула* и пр., причем количества, получаемые индивидуально представителями администрации, намного (в несколько десятков и даже сотен раз) превышают количества, получаемые «гурушами». Носили ли эти выдачи сколько-нибудь регулярный характер?⁴ Ввиду отсутствия каких-либо иных данных о выдаче названных продуктов, вряд ли можно на основании одного этого документа делать такие далеко идущие обобщающие выводы. Более вероятно, что речь в данном случае идет о какой-то одновременной выдаче.

Более определенно практика выдачи различных продуктов засвидетельствована лишь в отношении Ура. Наиболее распространенным предметом выдачи, помимо зерна, здесь было растительное масло, которое выдавалось как одновременно с другими продуктами, так и чаще по специальным документам. Обычной нормой при этом было 3—4—5 *сила* в месяц (по меньшим нормам получали только дети и лица престарелого возраста)⁴. Затем по

¹ См. RTC, № 419; TUT, № 17; ср. STD, № 309: документ из Уммы с записью выдачи зерна *шаг гуд* по 3 *гур* 120 *сила* и «энгарам» по 5 *гур*. Если принять эту выдачу за годовую (в документе указан лишь год выдачи без пометки месяца), то путем деления на 12 получаем для *шаг гуд* месячную норму в 85 *сила*, для «энгаров» 125 *сила*. См. также Schneider, Mont., № 18.

² См., например, данные относительно годовых выдач «энгарам» и подчиненным им работникам — ST, VII, № 17757.

³ Pinches, № 44; М. В. Никольский, II, № 481; Legrain, № 278.

⁴ UET, III, №№ 1008, 1025 (одновременно с зерном), 1032 (с зерном и рыбой), 1035, 1040, 1047 (с зерном, финиками и рыбой), 1048 (с хлебом и финиками), 1049 (с зерном),

обычной норме в 20—25 *сила* выдавались также финики¹. Реже производилась в Уре выдача хлеба², еще реже рыбы³. С другой стороны, пиво, составлявшее относительно распространенный вид выдач в местных хозяйственных центрах, в качестве предмета довольствия в Уре почти совершенно не встречается⁴.

Однако и в Уре выдача всех этих продуктов производилась не в дополнение к зерновым выдачам, но за счет сокращения норм зернового довольствия. Обычную норму месячной выдачи зерна в Уре составляли 30 *сила* (около 18 кг); 40 *сила* было высшей нормой выдачи; выдачи по 60 *сила* встречаются здесь лишь в качестве редких исключений (УЕТ, III, № 936). Нередко нормы снижались до 20—25 и даже до 15 *сила* (9 кг — см., например, там же, №№ 50, 936, 967, 971 и мн. др.). Только нормы земледельческих рабочих — «энгаров», как и в других хозяйственных центрах, так и в Уре, были значительно выше: «энгары» получали 75—120 *сила*, остальные земледельческие работники по 40—50—60 *сила* (см. №№ 1324, 1329, 1377).

Что выдача иных продуктов, помимо зерна, в Уре производилась именно за счет зерновых выдач, показывает один любопытный документ, содержащий двойной расчет произведенных выдач в зерне и с заменой зерна маслом. В начале документа указываются общие нормы зернового довольствия, причитающиеся отдельным работникам, — 75, 60, 50 и 40 *сила* ячменного зерна. При подведении итогов сообщаются данные о действительно полученных количествах зерна и масла с заменой части зерна растительным маслом и в заключение сообщается расчет, на основании которого производится замена зерна маслом, именно 1 *сила* масла за 10 *сила* зерна. В данном случае нормы зерна соответственно снижаются на 10 *сила* с заменой 1 *сила* растительного масла (УЕТ, III, № 1377). В архиве Ура имеется большое число документов с записью суммарных количеств зерна, возвращаемого различными получателями взамен растительного масла⁵. Нормы обмена были различны. Так, рядом с указанной обычной нормой 1 *сила* масла за 10 *сила* зерна встречаются нормы в 2 *сила* масла за 10 зерна (УЕТ, III, № 1207) и даже 5 *сила* масла (вероятно, низшего качества) за 10 зерна (там же, №№ 1046, 1082, 1187).

В документах Ура встречаются, хотя и редко, случаи обмена, в свою очередь, растительного масла на другие продукты — на хлеб (УЕТ, III, № 1118), рыбу (№ 1185: 4 *сила* масла взамен 20 *сила* рыбы).

Именно потому, что в основе всех остальных выдач лежали нормы зернового довольствия, все различные виды довольствия, даже в тех случаях,

1054, 1062, 1063, 1072 (с хлебом и финиками), 1073 (с зерном и финиками), 1091 (с финиками), 1125 (с хлебом), 1135, 1137, 1141—1144, 1146, 1147, 1149, 1150, 1152, 1154—1156, 1158—1164, 1166—1171, 1172, 1174, 1179, 1184, 1189 (без других продуктов), 1309 и 1312 (одновременно с рыбой), 1420, 1424, 1431 (с финиками и рыбой), 1436.

¹ Помимо названных в предыдущем примечании, см. также №№ 1070, 1095, 1110.

² Помимо названных, см. №№ 1113, 1118, 1120, 1123, 1408.

³ Помимо названных, см. №№ 50, 1046, 1110.

⁴ По документу УЕТ, III, № 1136, партия амореев получает одновременно с другими продуктами пиво и другие напитки. Однако документ этот не имеет обычного характера документов типа *še-ba* и не датирован. Повидимому, амореи, получавшие по нему, не принадлежали к персоналу царского хозяйства. Очевидно, и «люди из Мархаса» и «дети Ура» (*lú mar-ha-ši ù Uri^{k1}-ma-me* — возможно, люди, привлекавшиеся в порядке повинности), получавшие хлеб и пиво по документу УЕТ, III, № 1401, стояли вне царского хозяйства.

⁵ УЕТ, III, №№ 963, 968, 971, 982, 984, 986, 987, 1004, 1006, 1011, 1028.

когда они производились без одновременной выдачи зерна, обозначались обычным термином как «выдача зерна» (*še-ba*)¹.

Помимо натурального довольствия, рабочий персонал царского и храмовых хозяйств получал также ткани на одежду или же шерсть из расчета 1 одежда или 4 мины шерсти (2 кг) мужчинам, 3 мины шерсти женщинам и 1½ мины шерсти детям².

Состоя на полном натуральном довольствии, работники, образовавшие персонал царского и храмовых хозяйств, были заняты на различных работах в течение всего года. Судя по тому, что в отчетных документах расчет человеко-дней производился за полное число дней года (число рабочих, помноженное на 30 и затем на 12 или на 13 месяцев данного года), работы должны были производиться без каких-либо выходных дней. Женщины освобождались от работы лишь на время менструаций, когда они признавались нечистыми (так наз. «дни отрыва» *ud gab-a* — см. В. В. Струве, Новые данные..., стр. 160—161). В отношении же мужчин «дни отрыва» помечались лишь в случае передачи их на более или менее длительное время в распоряжение других надзирателей³.

Работники царского хозяйства, таким образом, как видим, не только были заняты в течение всего года, но и должны были работать без предоставления им какого-либо отдыха. Только болезнь или смерть освобождали «гурушей» от их непрерывного тяжелого труда, причем как время болезни, так и случаи смерти тщательно учитывались при составлении отчетных документов⁴. В общих списках «гурушей» и *гим* обычно также отмечались больные и умершие. Пометки относительно больных делались также и в актах контроля⁵. На отдельных больных «гурушей» составлялись специальные документы с указанием продолжительности их болезни⁶. Такие же документы составлялись и на случаи смерти «гурушей», после чего умершие, очевидно, снимались с учета⁷. Составлялись, наконец,

¹ Зерно одновременно с другими продуктами: UET, III, №№ 1032, 1047, 1049, 1066, 1073; растительное масло: №№ 1053, 1054, 1063, 1146; растительное масло и финики: №№ 1062, 1072; финики: №№ 1070, 1102 и мн. др.

² UET, III, №№ 1018, 1102, 1504, стб. VIII и IX, 1505, 1516 и мн. др.; TEO, № 6171; H a c k m a n, № 301; S c h n e i d e r, Berl., № 483; S c h n e i d e r, Str., № 284; S c h n e i d e r, Mont., № 307, 337; RTC, №№ 399, 404; TUT, №№ 150, 155 сл.; V a r t o n, I, №№ 257, табл. 6, 396, табл. 8 и др.; CT, VII, №№ 19984 и др.

³ См., например, TEO, №№ 5674, III, 22, 23 и др.; 5675, X, гв. V, стр. 14—26; 5676, XII (гв. VI), 14, 16; 6036, III, 13, 15 сл.; H a c k m a n, № 272, IX, 14; № 344, 1—3 и др.; ср. акад. В. В. Струве, Новые данные..., стр. 161—163.

⁴ TEO, № 5674, III, 24—27 (отметка о «гуруше», болевшем в течение 150 дней); 5675, IX (гв. IV), 31—32 (болезнь в течение 45 дней); TEO, № 5676, XI (гв. V), 3 сл.: помечен один умерший «гуруш», причем, поскольку он умер в середине 10-го месяца, из общего числа человеко-дней соответственно было вычтено 75 человеко-дней (2½ месяца). Ср. UET, III, № 1554: отчет о выработке мастерской льняных тканей с расчетом рабочей силы ткачих *гим* не в человеко-днях, а в месяцах, где также отмечено потерянное в связи с болезнью (гв. II, 8 сл.) и со смертью отдельных *гим* время (в связи со смертью вычтено относительно 3½ *гим* по 11 месяцев, относительно 1 *гим* — 7 месяцев, 3 *гим* — 4 месяца, ½ *гим* — 3 месяца, 9 *гим* — 1 месяц (гв. III, 1—6).

⁵ См., например, UET, III, №№ 1455, гв. 4 (контроль «ангаров»), 1486, 1493 и 1994 (контроль работников мастерских Ура); H a c k m a n, № 234 (при ревизии партии «гурушей» один из них помечен больным). Ср. STA, № 30 (в акте с записью распределения «гурушей» по различным учреждениям из 165 «гурушей» четверо значились больными).

⁶ UET, III, № 1471; M. B. Н и к о л ь с к и й, II, №№ 160—172; S c h n e i d e r, Mont., № 212 (из-за болезни потеряно 4 месяца); № 292 (запись двух работников, болевших в течение 6 и 8 месяцев); STD, №№ 153, 154, 157, 159, 167, 194.

⁷ См., например, M. B. Н и к о л ь с к и й, II, №№ 173 и 174; STD, №№ 204, 205.

и общие списки умерших работников и работниц (*гим*) за несколько месяцев, иногда с распределением по отдельным месяцам¹.

Работники царского хозяйства были разбиты на партии по два и более десятков человек, находившихся в распоряжении специальных начальников — земледельческие работники в распоряжение *пубанда гуд* (заведующих хозяйством), остальные неквалифицированные рабочие — «гуруши», *угиль* (носильщики), *думу* — простых надзирателей — *угула*. Женские партии *гим* были многочисленнее (по 40 и более в партии). В одной Умме таких рабочих партий насчитывалось 60—70 (акад. В. В. Струве, Новые данные..., стр. 179). Если работники распределялись между особыми надзирателями, это не значило еще, что они все время находились в распоряжении этих последних. Они нередко передавались во временное распоряжение на более или менее длительные сроки другим надзирателям, причем, как мы видели, в отчетных документах время, когда они находились у других надзирателей, помечалось как «дни отрыва»². Во всех архивах имеется большое число первичных документов, скрепленных печатью надзирателей, получавших в свое распоряжение «гурушей» от других названных при этом надзирателей. Встречаются и сводные документы с записью «гурушей» одной или нескольких партий, числящихся за особыми надзирателями, но распределенных по различным учреждениям и лицам (см., например, Chiara, № 30). Мало того. В случае нужды в рабочей силе в других хозяйственных центрах партии работников пересылались из одного города в область другого. Наиболее обычны были пересылки рабочих партий из местных хозяйственных центров в столичный город Ур. Так, две партии *эрен* из Лагаша получали довольствие в Уре, причем, судя по количеству выданных им продуктов, численность этих партий должна была достигать нескольких десятков человек (UET, III, №№ 1002, 1009). В Уре упоминается далее партия работников из Варги (*wa-ar-ga-ki* — там же, № 1410). С другой стороны, имеются данные об отправке работниц *гим* в другие центры из самого Ура. В одном документе идет речь о 130 *гим*, направляемых из Ура в другие центры (там же, № 1133) и о 13 *гим*, отправляемых в Урук (там же). Работницы *гим* партиями из 15 человек и более неоднократно посылались из Ура также на принадлежавшие царскому хозяйству пастбища в различных областях, где содержались овцы особой породы, дававшие специальный вид шерсти *ka-si*³. Обмен рабочей силой производился также и между местными центрами. Один документ из архива Уммы содержит запись нескольких партий «гурушей» (от 5 до 18 человек), полученных от *энси* других городов, между прочим от *энси* Адаба, Вавилона и др. (STD, № 66). С другой стороны, работники из Уммы посылались в другие города, например, в г. Урук (Schneider, Mont., № 235). Также и в Лагаше получали довольствие люди из других городов (TUT, № 160) и в свою очередь оттуда посылались «гуруши» в другие хозяйственные центры — в Сагдана, Ниппур, Дрехем (ST, VII, № 17775, 13; Legrain, № 390).

«Гуруши» царского хозяйства направлялись на самые разнообразные работы. На первом месте, естественно, стояли работы по обработке почвы и

¹ См., например, UET, III, № 1394 (запись женщин, умерших в 7, 8 и 11-й месяцы 36-го года Шульги); ср. цитированный выше отчетный документ льготкацкой мастерской с указанием помесечно умерших ткачих. Ряд аналогичных документов с помесечными записями умерших работников и работниц имеется также в архиве Лагаша, см. TUT, № 164/18 (помесечная запись умерших *гим*).

² Примеры см. выше, стр. 26, прим. 3.

³ UET, III, №№ 1441 и 1446 (в области Уммы), 1454 (в Баднери). Относительно сорта шерсти *ka-si* см. там же, № 1542.

по сбору урожая. Обработкой почвы непосредственно заняты были «энгары» и подчиненные им земледельческие работники, причем они обрабатывали, как показывают отчетные и многочисленные первичные документы, не определенные поля, но работали на различных полях и в течение года пересылались с одного поля на другое. Помимо собственно земледельческих работников, к обработке почвы (мотыженью, вскапыванию земли) привлекались, как мы видели, и другие работники. Трудом «гурушей» производились далее работы по ремонту оросительных каналов и водоемов на полях царского хозяйства¹. «Гуруши» работали на пальмовых и иных садовых плантациях², направлялись на огородные работы и на сбор овощей³, большими партиями посылались, как мы видели, на уборочные работы. Затем они были заняты также на сборе тростника⁴ и травы⁵, на рубке терновника⁶ и леса⁷.

Особенно широкое применение получил теперь труд «гурушей» на совершенно неизвестном ранее виде работ, именно на водном транспорте, на погрузке и разгрузке судов, на бурлаченье и спуске судов по течению⁸. «Гуруши» работали далее на ремонте судов⁹, на ремонте хозяйственных построек¹⁰, на изготовлении кирпича¹¹, направлялись на бойню, на кухню, в пивоварню (СТА, № 30; Barton, III, № 322, табл. 131). «Гуруши» и *уули* составляли, наконец, основной рабочей персонал плетеночной мастерской, изготовлявшей различные изделия из тростника (ТЕО, № 6036).

Численность партий «гурушей», направлявшихся на различные работы, колебалась от единичных работников до нескольких десятков и даже сотен человек. Точное число в большинстве случаев не поддается учету, поскольку расчет велся обычно исходя не из числа конкретных работников, а по человеко-дням. Точно так же различны были и сроки передачи

¹ УЕТ, III, №№ 1078, 1429, 1432; М. В. Никольский, II, №№ 104, 111 и мн. др.; STD, №№ 60, 278; отчетные документы ТЕО, №№ 5674, 5675, 5676; Schneider, Berl., №№ 289, 458; Schneider, Str., №№ 33, 73, 144, 149; Schneider, Mont., № 223; Hасkман, №№ 127, 189 и др.; ИТТ, V, №№ 6824, 6937 и др.; СТ, III, № 21335; VII, № 17759.

² Cont., Contr., № 49 (большое число «гурушей» и *гим* на плантациях в поле Мушбианна); Schneider, Mont., № 360; СТ, IX, № 21348, II, 12, rv., II, 1—2.

³ М. В. Никольский, II, №№ 130, 137, 155, 159; Schneider, Str., № 161; Schneider, Mont., № 288; ТЕО, №№ 5675 и др.; Hасkман, № 272.

⁴ М. В. Никольский, II, №№ 112, 138, 152, 207—209; STD, № 225, 230; Schneider, Berl., №№ 349, 395; Schneider, Str., № 85; Schneider, Mont., №№ 229, 378; Hасkман, №№ 170, 211, 235, 236 и др.; RTC, № 306; TUT, № 173; Barton, II, № 96, табл. 92, III, № 323, табл. 131; ТЕО, №№ 5675, 5676; Hасkман, № 272.

⁵ Помимо отчетных документов, М. В. Никольский, II, №№ 11, 123, 142, 143; STD, № 225.

⁶ ТЕО, №№ 5675, 5676; М. В. Никольский, II, №№ 138, 211; Schneider, Str., № 273; Schneider, Mont., №№ 237, 299, 347; Hасkман, № 237.

⁷ ТЕО, № 5675; М. В. Никольский, II, № 206; Schneider, Berl., №№ 265, 329; Hасkман, №№ 218, 220, 260, 264; TUT, № 173; RTC, № 306.

⁸ УЕТ, III, №№ 1053, 1054, 3; 1360, 7—8; 1443, 12; ср. №№ 968 и 1037 (мальчики на бурлаченье); М. В. Никольский, II, №№ 101, 106, 107 и мн. др.; ТЕО №№ 5674, 5675, 5676; Cont., Umma, №№ 46, 48; Pupil, № 27; Schneider, Berl., №№ 192, 274, 276 и др.; Schneider, Str., №№ 44, 62, 63 и др.; Schneider, Mont., №№ 196, 238; Lutz, I, № 77; Hасkман, №№ 117, 138, 139 и мн. др.; ИТТ, III, №№ 5038, 5084 и др.; V, №№ 6883, 6914, 6946 и мн. др.

⁹ М. В. Никольский, II, №№ 112, 165; Hасkман, № 232; ср. УЕТ, III, № 1432 rv., II, 12.

¹⁰ М. В. Никольский, II, №№ 111, 115, 147, 165; STD, №№ 176 сл., 230; Hасkман, № 244.

¹¹ М. В. Никольский, II, № 441; STD, №№ 230, 273; ИТТ, V, № 6908.

«гурушей» в распоряжение других надзирателей (от нескольких дней до нескольких месяцев)¹.

При направлении «гурушей» на работы обычно устанавливались каждый раз определенные нормы выработки, которые рабочие должны были выполнить². Исходя из таких заранее установленных норм иногда составлялись предварительные сметы на выполнение отдельных работ³.

Ремесленники, выделявшиеся в «энсиальном» хозяйстве в небольшую особую группу (*giš-kin-ti-me*) специалистов, обслуживавших относительно несложные потребности двора *энси*, во времена третьей династии Ура сливаются, как уже отмечалось выше, с общей массой остального персонала царского хозяйства. В связи с необычайно возросшими потребностями царского хозяйства в промышленных изделиях труд индивидуальных ремесленников уступает теперь место новой форме организации, именно работе в мастерских, в которых объединялись ремесленники одной профессии. Эта новая форма организации получила особое развитие прежде всего в столичном городе Уре. Здесь были образованы восемь центральных мастерских с общим управлением. В это объединение входили мастерская золотых дел (*é kù-dim*), мастерская скульпторов-резчиков (*é dub-nagar*), резчиков драгоценных камней (*é zadim*), столяров-древообделочников (*é nagar*), кузнецов-металлистов (*é simug*), кожевников (*é ašgab*), изготовителей тканей и одежд (*é túg-du₈*) и, наконец, мастерская конопатчиков (*é akkil*). Находились эти объединенные мастерские в заведывании одного лица, носившего обычное звание надзирателя — *угула*. В отчетном документе о деятельности этих мастерских (УЕТ, III, № 1498), равно как и в других касающихся их документах (там же №№ 1474—1478, 1480—1497), этим общим их *угула* является одно лицо, именно Арад Наннар. Продукция мастерских поступала непосредственно на центральные склады царского хозяйства. В архиве Ура имеется очень большое число документов с записью относительно поступления на склады различных изделий, причем во всех случаях в качестве лица, сдающего эти изделия, значится начальник мастерских, уже известный нам *угула* Арад Наннар, а в качестве лица, получающего их, заведующий центральными складами Ахувакар. Именами обоих этих лиц скреплен и обширный документ с отчетом о деятельности центральных мастерских Ура, где перечисляются, с одной стороны, поступавшие в мастерские сырые материалы, с другой — вышедшие из мастерских готовые изделия (УЕТ, III, № 1498 гв., VI).

Ремесленники, не входившие в центральные мастерские, подобно остальному персоналу царского хозяйства, были также разбиты по специальностям на партии, подчиненные особым *угула*; иногда даже ремесленники одной специальности подчинены были нескольким *угула*, например, кожевники (УЕТ, III, №№ 1462, 1463). При этом совершенно так же, как и неквалифицированные «гуруши», и эти ремесленники в случае нехватки

¹ См., например, отчетные документы Лугальгуде — ТЕО, № 5675, X, 14 сл. (6 «гурушей» на 4 месяца); Н а с к т а н, № 272, IX, 5 сл. (те же поименно названные 4 «гуруша» на половинной работе на 3 месяца); по отчету Урнинсу — ТЕО, № 5676, XII (гв., VI), стк. 1 сл. (10 «гурушей» на 4 месяца), стк. 5 сл. (6 «гурушей» на половинной работе, на 4 месяца), стк. 15 сл. (партия носильщиков-*угиль* на 3 месяца — с 10-го по 12-й месяц).

² Нормы устанавливались для сельскохозяйственных работ см., например, М. В. Н и к о л ь с к и й, II, №№ 237 сл.; ТЕО, № 6043; ср. отчетные документы ТЕО, № 5675, III, 6 сл. и др.) и для других работ — для сбора тростника, травы, рубки терновника (см., например, отчет Лугальгуде — ТЕО, № 5675, стб. V и сл.).

³ См., например, RTC, № 412: документ, предусматривающий выполнение различных оросительных работ на полях.

работников мастерских передавались от своих надзирателей в распоряжение Арад Наннара (УЕТ, III, №№ 807, 1462, 1463, 1470).

Занятому в центральных мастерских рабочему персоналу производился еще более тщательный учет, нежели неквалифицированной рабочей силе. Об этом свидетельствуют многочисленные контрольные акты (типа *igi-gar-ag*¹) мастерских, скрепленные именем того же заведующего мастерскими Арад Наннара (УЕТ, III, №№ 1474—1478, 1480—1497). Контрольные акты содержат поименную перепись постоянных работников различных профессий с указанием также людей, отсутствовавших по болезни или по каким-либо иным причинам. До какой степени тщательно проверялся наличный состав персонала мастерских, видно из того, что контрольные акты составлялись не только ежемесячно, но и по нескольку раз в месяц. Все названные акты контроля относятся к трем (11-му, 12-му и 13-му) годам правления Иби Сина, причем три (№№ 1475, 1476, и 1477) относятся к 8-му месяцу 11-го года, а два (№№ 1481 и 1482) — ко 2-му месяцу того же года.

В производствах, не требовавших особой квалификации, рабочий персонал набирался из числа рядовых «гурушей» и даже так называемых носильщиков (*угиль*). В архиве Уммы сохранился обширный документ с отчетом о деятельности плетеночной мастерской, изготовлявшей различные изделия из тростника (ТЕО, № 6036). Персонал мастерской состоял из 35—40 человек, в том числе, по видимому, 5 «гурушей», 26—27 *угиль* и 5 работников половинной силы — *думу*².

Отчет о деятельности этой мастерской составлен по обычному типу отчетов о работе «гурушей» с указанием общего числа человеко-дней, бывших в распоряжении заведующего мастерской, и их использования на различных работах, причем рабочие мастерской, как и прочие «гуруши», передавались в распоряжение других надзирателей и использовались на самых различных работах, например, на полевых работах в поле Камари (VIII, 4 сл., 20 сл.), на речном транспорте (V, 19 сл.) и др. Всего «дней отрыва» за год в отчете насчитывается 147 из общего числа человеко-дней 13282 1/2 (III, 13—14).

Одним из самых характерных для времени третьей династии Ура и отличающих ее от предшествовавших систем «энсиальных» хозяйств является факт резко изменившегося характера эксплуатации женского труда. Хотя помол зерна (см., например, ТЕО, №№ 5665, 5668, ср. № 5670) и ткачество попрежнему составляли преимущественно основной вид женского труда, хотя большая часть женского персонала царского хозяйства как в Уре, так и в местных центрах специально обозначалась как «женщины-ткачихи» (*гим-ушбар*), однако это не исключало самой широкой эксплуатации женского труда (в том числе и ткачих) наряду с трудом «гурушей» на различных работах, в том числе и самых тяжелых, как бурлачение, работы на каналах и водоемах³. Далее, женщины посылались на работы на полях⁴, на работы в садах (ТЕО, №№ 5669, 5670) и огородах⁵, на уборку урожая (см. выше), на сбор фиников (Cont., Contr., № 49), на сбор трост-

¹ Акты контроля мастерских обозначались как *igi-erén-ag*.

² В самом документе число работников прямо не указано, поименный список полностью также не сохранился. Поэтому числа «гурушей», *угиль* и *думу* получены путем деления общего числа их человеко-дней на число дней года — 390 (включая дополнительный 13-й месяц).

³ УЕТ, III, № 1442; ТЕО, № 5669; S c h n e i d e r, Berl., №№ 208, 364; STA, № 5 (отчетный документ).

⁴ STD, № 67; H a c k m a n, № 247; ТЕО, № 5669; STA, № 2.

⁵ ТЕО, № 5669; STA, №№ 2, 5; STD, №№ 85, 92; S c h n e i d e r, Berl., № 183; S c h n e i d e r, Mont., №№ 190, 194.

ника, на переноску и уборку других продуктов¹, на рубку деревьев (Schneider, Berl., № 361), на работу в мастерской благовоний², на строительные-ремонтные работы (УЕТ, III, № 1444), наконец, на погрузку и бурлачение судов³. Рядом с женским не менее широко эксплуатировался труд подростков (*думу*) в партиях земледельческих рабочих, среди *угиль*, в плетеночной мастерской. *Думу* участвовали и на таких работах, как бурлачение судов; в чем состояла при этом их роль, мы не знаем, но из документов видно, что именно работа на транспорте вызывала среди них высокую смертность.

Тяжелая эксплуатация, непрерывный труд при отсутствии дней отдыха, использование на самых тяжелых работах женского и детского труда при явно недостаточном питании — все эти условия вызывали высокую смертность среди персонала царского хозяйства. Об этом свидетельствует ряд документов архивов Ура и других городов. В документах о выдаче довольствия из Ура в одном случае на общее число «гурушей» 217—23 (свыше 10%) помечены умершими (УЕТ, III, № 1129), в другом из общего числа получателей 35 мужчин и 1 женщины умерших было 5, или не менее 14% (там же, № 1066); число умерших, возможно, было больше, так как документ фрагментирован. В небольшом контрольном акте из группы в 27 земледельческих работников один обозначен умершим (там же, № 1455). В другом небольшом документе, содержавшем поименную запись «гурушей» и нескольких *думу*, на лицевой стороне значится 14 имен (текст оборотной стороны не сохранился), причем из этого числа, по крайней мере, четверо умерших (28% — там же, № 1450). Столь же высокой в Уре была смертность и среди женщин-*гим*. В одном случае на 17 *гим* две (т. е. 11, 76%) значатся умершими (№ 1415). Из 134 работниц льноткацкой мастерской за год умерло 18 (13%). В архиве Ура имеется специальный список четырех женщин, умерших за год, список, скрепленный именем *угула* ткачих (№ 1394). Исключительно высокой в Уре была смертность среди детей. В списке довольствия женщин-ткачих храма Карзида по итоговым данным на 66 живых детей приходится 22 умерших, что составляет 25% от общего числа 88 детей (№ 1040). В другом списке из 8 женщин и 3 детей двое детей показаны умершими (№ 935). В других документах архива Ура на 11 женщин приходится 1 умершая девочка (№ 1033), на 1 «укууша» 2 умерших мальчика (№ 1036), на 4 мужчин и 3 женщин — 2 умерших ребенка (№ 1048). Особенно показательны два уже упоминавшихся выше документа о смерти мальчиков, работавших на бурлачение, в связи с возвращением на склад предназначавшегося им довольствия: в одном идет речь о пяти, в другом о двенадцати умерших мальчиках (№№ 968, 1037). Из этих двух документов с очевидностью вытекает, что причиной их смерти была именно эксплуатация их на тяжелой работе. Однако смертность среди детей, занятых в других отраслях промышленности, была не меньшей. В документе с записью зернового довольствия, возвращенного за смертью мальчиков, занятых в суконном производстве, количество возвращенного зерна составляло 185 *сила*; хотя из документа и не видно, за какой срок возвращено зерно, однако при обычной детской норме в 10 *сила* число умерших во всяком случае должно было быть значительно (УЕТ, III, № 994).

О высокой смертности среди рабочего персонала свидетельствуют и многие документы из архива Лагаша. В списке «гурушей» и *думу* (41-й год

¹ ТЕО, №№ 5665, 5668, 5669; СТА, № 2; Schneider, Berl., №№ 262, 279; Schneider, Str., № 250.

² Schneider, Mont., № 267. При мастерских благовоний имелись сверх того свои постоянные партии *гим* (*gim-é-šim*, там же, № 285, 9).

³ УЕТ, III, № 1425; ТЕО, №№ 5669, 5670; СТА, №№ 2, 5; Schneider, Berl., №№ 230, 279.

Шульги) из 71 человека 15 (свыше 20%) значатся умершими (СТ, I, № 94—10—15, 5). В записи зернового довольствия (за 10 месяцев 43-го года того же Шульги) на 30 человек восемь показаны умершими (там же, X, № 14316). В помеченном следующим годом правления Шульги отчете об использовании рабочей силы 44 $\frac{1}{2}$ «гурушей» за 5 месяцев (там же, № 21348) из этого числа значилось умершими (очевидно, только за отчетный период) 12 поименно названных человек (стб. II, стк. 20—24, и III гв., I, 1—11), что составляет 27%. В списке носильщиков (*угиль*) от 2-го года Пурсина на 15 человек умерших было трое (СТ, VII, № 17761). По документу о выдаче довольствия садовым рабочим (4-й год Пурсина) из 28 человек, получавших довольствие, умершими показаны 10 (СТ, VII, № 12925). По данным приведенных документов архива Лагаша, процент умерших среди работников царского хозяйства составлял 20 — 25%, а среди садовников — даже 35%.

Труд женщин-*гим*, как мы видели, эксплуатировался на различных работах вплоть до самых тяжелых. В результате смертность среди *гим* была не меньшей, если не большей, нежели среди мужчин. В одном списке женщин-ткачих времени Шульги (точная дата не сохранилась) значится 100 умерших на общее число около 150 женщин (ввиду испорченности документа точная цифра не может быть установлена, см. Barton, III, № 238, табл. 113—114). Другие документы архива Лагаша дают также высокий процент смертности среди женщин (см., например, TUT, №№ 159 и др.). Один документ содержит специальный помесечный список умерших женщин (там же, № 164/18).

В Умме в документах со списками людей и выдач довольствия пометки о смерти встречаются относительно редко, что объясняется, конечно, не меньшею смертностью среди рабочего персонала, но, по всей вероятности, иной практикой составления отчетности, при которой не было принято в списках людей делать пометки относительно умерших. Здесь, напротив, обычны были документы, составлявшиеся на отдельных умерших работников (примеры см. выше). О том, что и в Умме смертность была не ниже, свидетельствует, например, документ относительно пленных женщин (ТЕО № 6039), где, наряду с женщинами беременными, недавно родившими и неродившими, отмечались также и умершие. И в этом документе значится 53 умерших, что составляет 30% общего числа 182 женщин.

Такое усиление эксплуатации не могло не вызывать сопротивления со стороны эксплуатируемых «гурушей» и *гим*. Прямых указаний на возникновение открытой классовой борьбы для описываемого времени мы не имеем. Известны, однако, многочисленные случаи пассивного сопротивления в форме бегства, нередко принимавшего широкие размеры. В архиве Ура имеется ряд документов с записью возвращенного довольствия за бегством работников и *гим*, причем численность беглых во многих случаях оказывается значительной. В одном документе приводится поименный список 8 беглых (*zah gim* и 1 *думу*) (UET, III, № 935); другой аналогичный документ содержит имена 14 беглых *угиль* (UET, III, № 936). Наконец, третий документ дает особенно значительное число беглых женщин, именно 134 (там же, № 1018)¹. В одном из документов архива Ура идет речь о некоем Лукани, сыне пастуха, бежавшем из Ура и захваченном в Гирсу (там же, № 179). Данные относительно бегства «гурушей» имеются также и в документах других архивов. Так, согласно одному

¹ В документе указано количество возвращенного зерна и шерсти, предназначавшихся беглым женщинам. Число последних прямо не указано, но, поскольку зерно возвращено из расчета 4020 человеко-дней в месяц, число беглых определяется путем простого деления этого числа на число дней месяца: $4020 : 30 = 134$.

документу из Лагаша, 7 садовых работников отмечены как находящиеся в бегах. В архиве Лагаша имеется специальный документ с записью имен 18 беглых (М. В. Никольский, III, № 436).

Во времена третьей династии Ура государственное хозяйство в древнем Шумере достигло своего наиболее полного развития. Однако, поскольку оно охватывало в единой хозяйственной системе бывшие «энсиальные» хозяйства, рассеянные по всей стране, при слабом развитии производительных сил оно могло поддерживаться лишь путем крайнего напряжения всех сил и средств и путем жесточайшей эксплуатации населения. Поэтому эта система быстро изживает себя и близится к своему концу. С падением третьей династии Ура и с распадом южного Шумера на три царства она по инерции еще держится некоторое время в Исине и Ларсе, но с установлением единовластия при первой вавилонской династии она прекращает свое существование и, по крайней мере в прежней, строго централизованной форме, не возрождается более.

Вместе с этим одновременно наблюдается процесс заметного расширения и развития частной инициативы и частнохозяйственной деятельности. Рассмотрение этого процесса не входит в нашу задачу. Заметим лишь, что с упадком централизованного царского хозяйства, уже при династиях Исина и Ларсы частнохозяйственная деятельность не только получает более свободы для своего проявления, но и начинает играть все более видную роль в хозяйственной жизни области. Это, конечно, неравносильно было ни полному исчезновению царского хозяйства, ни устранению преобладания и господствующего положения государства в хозяйственной жизни страны. Примат государства проявляется, однако, теперь не столько в форме непосредственной эксплуатации производящего населения в государственном (царском) хозяйстве, сколько в форме высшего руководства и контроля. Эта новая система государственного контроля находит себе наиболее полное выражение в переписке Хаммураби и его преемников.

